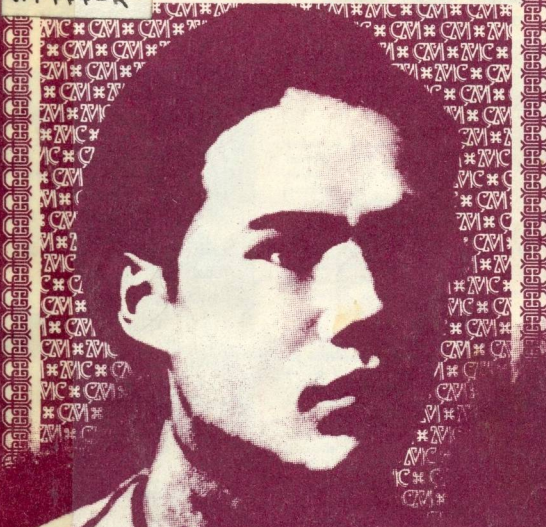

к 83.3
с 33

27444-к

Составитель Агнер Худангай
Художник Элла Юрьев

СЕСПЁЛ МИШШИ,
СЁНЁ
ЧАВАШ САВВИНЕ
СУЛ УССА ПАРАКАНЁ
СУРАЛНӐРАНПА
90
СУЛ

1899 * 1989

90 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОСНОВОПОЛОЖНИКА
ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ
МИХАИЛА
СЕСПЕЛЯ

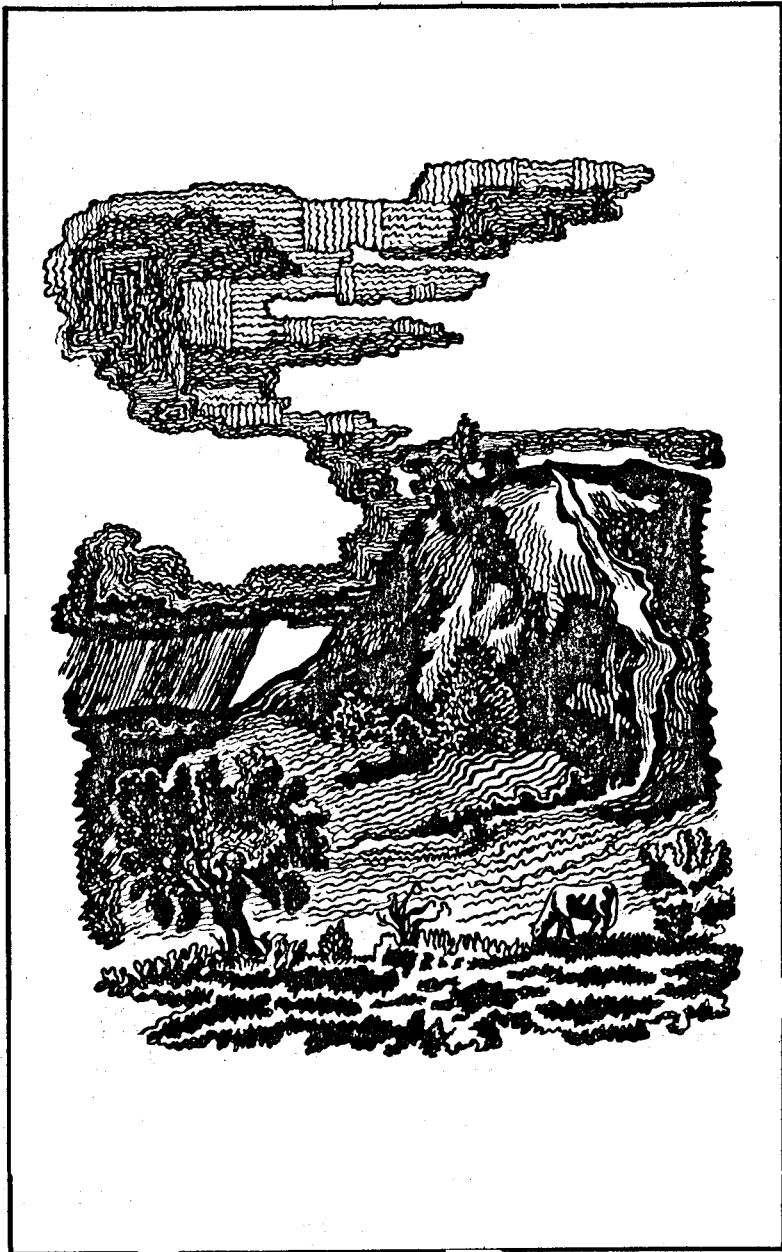
Геннадий Айги

ПОДСНЕЖНИК СРЕДИ БУРИ

Леону Робелю

Законное мерцание тускло-белой ноябрьской окраины города — постепенно — становится местом какого-то моего забытья... — где я? — будто, действительно, я давно уже втянут в некие полузабытые дали... — и вот, как бы начинаются плутания по давнему, далекому бедному полю, среди занесенных снегом оврагов, — когда-то подобные плутания бывали наяву в таких же сиротливых сумерках; трудно проложить в этой зыбко-тусклой тьме какой-либо путь, разделяющий сон от видений, даже — от воспоминаний о чем-то «реальном».

Где-то, среди этих «вечно»-далеких, когда-то родных мне оврагов, в бедной чувашской деревне, в сумерках ноября 1899 года родился мальчик-поэт, навсегда — юноша-поэт, погибший в возрасте двадцати двух лет... — это было шестьдесят с лишним лет тому назад, и он (не просто «образ», а боль — во мне) не перестает беспокоить меня — с юности и до сих пор.

1899 * 1989

Чăваш çĕли,
чăваш çĕли,
Хĕвел кăварĕне
пуçлан.
Сĕле часрах
тăван сĕре.
Чăваш çĕли,
сĕле сăхи,
Халр аса
сапни уххи
Пуçа кĕр
сĕне ёмĕре.

А. Миттов.
Иллюстрация
к стихотворению
М. Сеспеля
«Чуваш! Чуваш!...»
1968.

Своим псевдонимом он выбрал слово «Сеспель», по-чувашски означающий «подснежник». Всюду носился огненный смерч Революции, отблески его для чувашского мечтателя-юноши казались вспышками и порывами его собственного душевного мира. Наконец, во тьме беспросветной бедности, в патриархально-застывшей жизни вокруг, наступила долгожданная Оттепель его времени, — не первый ли он цветок из-под снега, сперва — робко, а потом все более лучезарно потянувшийся не просто к сиянию дня, а, — как он выражался, — к его огненному «преображенному лику», в самую даль и глубь — вселенскую глубь этого «лика», — он всегда будет называть это «Новым Днем», — с большой буквы, и только в стихотворении, написанном за несколько дней до гибели, «пылающее средоточие» Нового Дня превратится в беспросветное «дно Дня».

Он — один из самых трагических поэтов, из всех — известных мне, и это трагическое — столько же стечение обстоятельств его жизни, сколько и родившееся — в нем, вместе с ним.

Он — не «дитя любви». Его мать, через полвека после гибели сына, с нескрываемой неприязнью вспоминает о муже, за которого она была выдана насильно. Воспоминания этой неграмотной женщины, записанные с ее слов, поражают подробностями и образами почти фолкнеровскими. Накануне своей свадьбы, она видит во сне топор, поблескивающий на пороге бедного чувашского дома. Этот приснившийся топор «реализуется» в жизни семьи через одиннадцать лет: психически неуравновешенный отец Сеспеля — в пьяной драке — убивает этим орудием родного брата. Он сослан в Сибирь на каторгу. Мальчик Сеспель чувствовал в нем родную душу, — этот полуграмотный крестьянин, не имевший понятия о «таланте» и его связи со «славой», восторгался своим сыном, пораженным с ранних лет живостью воображения и недетской вдумчивостью, — «из тебя выйдет нечто никем невиданное», — говорил он мальчику (и никогда неутихавшая тоска Сеспеля по своему отцу напоминает пожизненно-благодарное отношение Диккенса к его слабохарактерному отцу лишь за то, что тот когда-то понял его исключительность и «восторгался им»).

За год до этой трагедии Сеспель-подпасок во время ночной пастьбы лошадей засыпает на весенней голой земле, — с той поры и до конца жизни он будет мучиться костным туберкулезом.

Он — со стороны матери — внук языческого жре-

Село Старогородка Остерского район
Черниговской области на Украине.
Мать поэта Агафья Николаевна
у могилы сына. 15 июня 1952 г.

1899 * 1989

Тыван сёршыв,
е сай та вайю пётрё?
Е чываш чёлхин
ават сётрё?

Е ют тёлхесем
усё майё
Чываш тёлхи сётсе,
нётче кайё?

Е чываш тинни,
чываш ядё
Сарлака сур синчен
сухалё...

ца, еще через десятки лет помнили об удивительном заклинательно-языковом мастерстве этого старика (позже, в революционной поэзии Сеспеля, «заклинательная» энергия будет поражать неистовством и неудержимостью, непревзойденным языковым блеском).

В отрочестве Сеспеля бывают периоды, когда он — во время кризисов болезни — не способен ходить. Его младший брат возит его на санках в школу — за несколько километров.

В этом больном подростке с антрацитово-пылающими глазами таятся редкостный огонь, — его багровые вспышки вскоре будут разрезать грозные стихи, в которых — при выражении неистовой, даже — может быть — «чрезмерной» любви к родному краю, будет что-то и «инородное» для языка, для эстетических представлений его народа, это будет поистине «рембоический» огонь, почти пугающий его сородичей.

Да, — что-то «рембоическое» есть и в его поступках, не укладывающихся в границах привычной ежедневности — этой «тихой, сонливой», общинно-коллективной жизни вокруг. Подросток-Сеспель, как юноша-Рембо, уходит (не «бежит») из дома, оставляет сельскую школу, чтобы участвовать в продолжающейся войне с немцами, добирается до действующей армии, но, разочаровавшись в своем «патриотизме», возвращается домой, став сторонником большевиков.

Показательно, что подобные страстно-безоглядые поступки Сеспеля, непривычные для его среды, никогда не были индивидуалистическими «выходками», — они вызывались не разрушительными побуждениями, а его глубоко-органической тягой к идеальному — стремлением к созиданию новых, идеально-справедливых взаимоотношений людей. Он, три невообразимых материальных лишения, заканчивает в маленьком русско-татарском городке, вдали от родного села, учительскую семинарию (надрываясь от сострадания, он знает, что иногда, чтобы оплатить учебу сына, матери приходится отдавать последние пуды ржи и жить впроголодь с младшими его братьями). Образование его, в силу провинциальных условий, весьма недостаточно (любимое его чтение — банально-посредственный Надсон, юноша-Сеспель декадентски-сентиментален в письмах этого времени, но когда он переходит к собственной поэзии, он мгновенно проявляет зрелость могучего мастера слова).

Сеспель становится одним из первых чувашских комсомольцев, его привлекают к работе в

Сеспель Миши и его «светлый, кипучий друг»
Павел Бекшанский. Казань. Ноябрь 1919 г.

Черё юанă сёршыв
сасă паче,
Эп пёлен: ун сасси
усах мар,
Ун суранай ырман
сан-сапаче
Илемлек те пек мар
пуçсаппа.

Анчах ун чăтăмĕ,
чун хавалĕ,
Ун асанĕ...
— сакна кăшт пёсен —
Кам мана тёнчере,
кам-ши калĕ
«Сёршыву санан
хаалсар» тесе?!

уездной судебно-следственной комиссии. Он, временами еле передвигающийся на ногах, проводит дни и ночи в поездках по чувашским и татарским селениям. Он разрывается между максимализмом в служении новому жизнепорядку и состраданием к тем, кто все еще продолжает жить в сумеречной бедности и приниженности «обычной» жизни. Он расследует крупное злодеяние, — в это дело замешан бедный забулдыга-крестьянин, после ареста которого его большая семья остается без кормильца. Сеспель, добившийся суровой кары для преступника, в течение долгого времени — под видом «официального пособия» — посылает семье преступника деньги из своего скудного жалованья. Приехав в чувашскую деревню на очередное расследование, он — занятый днем следственными делами — ночами работает в поле, идет за сохой — вспахивает участок семьи, которой некому помочь. В выступлениях перед крестьянами, на митингах, он — огонь-и-пламя, а на дружеских вечерах — его «не видно и не слышно»: «мы долго жили вместе в одной маленькой комнатке, — вспоминает один из его друзей, — у Михаила была одна поразительная способность, — он ходил удивительно бесшумно, меня вообще поражала его удивительная мягкость во всем».

Осенью 1920 года Михаил Сеспель, выдвинувшийся в Чувашии в первые ряды борцов за новую власть, был назначен председателем чувашского Революционного Трибунала. По-видимому, романтически-открытый максимализм Сеспеля настораживал практически-опытных руководителей Чувашской автономной области, — Сеспель пробыл на этом посту всего две недели.

Весной 1921 года был совершен поджог здания чувашского Отдела Юстиции, в связи с этим Сеспель арестовывается по клеветническому доносу. Освобожденный из-под стражи (однако исключенный из Коммунистической партии), Сеспель едет на лечение в Крым, — резко обострился туберкулез костей. По окончании курса лечения, поэт становится скитальцем огромной страны, последние два года своей жизни он проводит на Украине. В 1921—1922 годах в Поволжье разразился страшный голод. «Родина моя, родина, на краю гибели», — настойчиво повторяет Михаил Сеспель в своих автобиографических записях, зная, что его голос никем не будет услышан. Работая на Украине инструктором по помощи голодающим, он неоднократно встречает переселенческие эшелоны, прибывающие из Поволжья.

1899 * 1989

Сёр суиса сёмелсен,
Сёр сине мал енчен
Сене сэн
сисеме ситтёри.

Сене сэн йалтэрри,
Ун кавар сэмэрри
Чёре Вут Семах
сёртёри.

А. Митоя.
Иллюстрация
к стихотворению
М. Сеспеля
«Стальная вера».
1966.

«Вижу на станции голодных со страшными исхудалыми лицами, в лохмотьях — беженцев с Волги, — пишет он в январе 1922 года украинскому другу, — в прошлые сильные морозы то тут, то там они умирали кучами — больные, замерзшие, и их сотнями, как дрова, накладывали на дровни и увозили, ничем не прикрытых... На базаре, где торгуют и на миллионы, где и булки, и хлеб, и сало, и все, — босые, покрытые язвами, в отрепьях беженцы с Волги лежат и просят бессловесно хлеба...» Он пишет это в дни, когда, изъедаемый костным туберкулезом, он уже тяжело хромает, — Сеспель знает, что он обречен: «тело мое разлагается, как у трупа, и нечем это остановить», записывал он в своем дневнике еще в 1920 году.

При жизни Сеспель напечатал в Чувашии менее десяти стихотворений. Странные, местами «почти-нечувашиские» небывало-дерзкой образностью, они кажутся чуть ли не «дико-инородными» среди старо-силлабических полу-фольклорных виршей его времени. И вот, на далекой Украине, поэзия становится для Сеспеля тем скрытым в нем — почти анатомическим — местом, где, в конвульсивных строчках, душатся, «подавляются» его душевные спазмы.

В нем, безусловно, что-то есть от Маяковского. Но, странным образом, он не проявляет к нему особого интереса. Нестораживает ли его в трагизме Маяковского некое «ядро», некая самолюбленность русского поэта в трагичность именно самого себя? — когда Сеспель, в наивысшем душевном напряжении, обдуманно и твердо двинется навстречу своей гибели, его «метафоры» (какие же это «метафоры»? — это не знаменитый «пожар сердца» Маяковского, развернутый по методу формально-лингвистического «конструирования»), его «сравнения» и образы отрываются от его сущности-боли, как сгустки крови («всё в крови — что это в моей руке? — разрываю, превращаю в пух и мясо, на куски рву жилы, это мое — Михаила Сеспеля — кровавое сердце»). Как «антифольклорен» этот глубоко-народный (по происхождению) поэт!... — но вот, проходят годы, я все больше думаю о нем, и за «кусками мяса» его метафор, я, кажется, слышу что-то и из тайного «говора» народного, — что-то, обращенное «ни к кому», неким бормотанием-шепотом («да кто это услышит») проскальзывает в доньях того «разговора-молчания», что напевалось-проборматывалось — народом, — эта «тайная бездна», как мне кажется теперь, как бы скользяще-стойко мерцает за светом-и-мраком поэзии Сеспеля.

Жизни моя, та какими холмами
Твои с ушаком кровью гол.
Тихой тенью, твбитой калмыки
На распути, стоишь босяком.

Степ, твои юбки,
Видишь степь и половецкие плечи
Выпила клопота пурга,
И чутая обескровленным легем
Порешев оти возмизать

И когда ты упрямил упрям
Расеела ветра жесткая плетя
Все же — кто же мек, кто же кудит
Жука! жадной к тебе пламенеть.

Жизни моя! Синева Васильковской
Язы твой, а к тебе крикливо.
Взгляд из твоей кельи тучным зовом,
Но куда, но куда хижини.

Жизни моя, та какими холмами
Твои с ушаком кровью гол.
Тихой тенью, степь твбитой калмыки
На распути стоишь босяком.

Ыран-и, паян-и...
тёркаси
Вутлаанэ
сёршымай чёрн.
Каварла чечеклэи
чечеклэ
Сэре
сён хёвелён юрри.

М. Сеспель.
Автограф
стихотворения.
1921—1922 (?) гг.

А. Миттов.
Иллюстрация
к стихотворению
М. Сеспеля
«Голодный псалом».
1966.

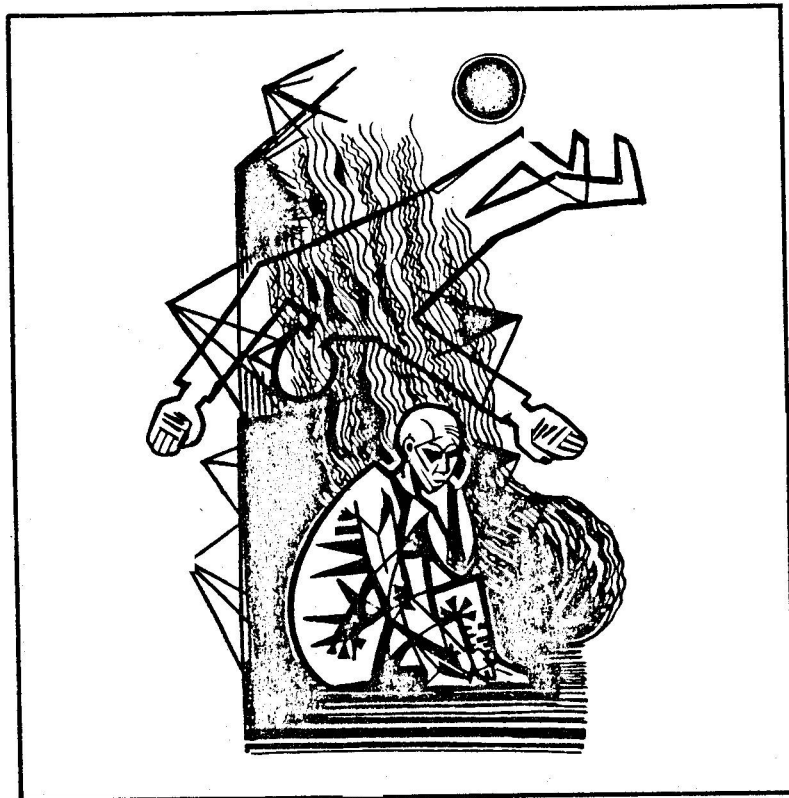
Мне, в другом месте, приходилось говорить о том, что Сеспель, верный народной сдержанности и целомудрию, не позволяя себе эстетизировать трагическое, — это трагическое он мог бы выплеснуть, «выбросить» в лицо современной ему поэзии в образах, не уступающих сюрреалистическим, но это было бы для него литературно-нарцисстическим проявлением; у Сеспеля «кричит народ», а не он, — догадывается ли он об исключительности того, какой он рот (более, чем голос) трагического? — у него нет времени «догадываться» об этом: надо успеть докричать — воплотившись в «распинаемое тело народа»; впрочем, воплощение было уже с самого начала, теперь же — все путается: где «кричал» он когда-то — сам? — ибо потом наступила тишина, как от изъятия смысла, она переросла в пустоту внезапной, неопределимой Покинутости, стала — неким единым телом, и вот, — только из этого единого довеивает теперь остаток дыхания — призрак крика: «Илай! Илай! Лима!..»

Возможно, вхождение смерти в себя он мог чувствовать, как ощущал это, должно быть, такой же юный Тракль, — но не заморожен ли австрийский лирик завлекающей его смертью, как некой «сине-голубой» красотой?

Продвижение Сеспеля навстречу смерти — не «расчет с жизнью» как таковой. «Нужен» или «ненужен» (не для разрушения, а для созидания), — эта проблема для Сеспеля остается главной — до смертного часа. «Я больше уже не могу быть нужным, я должен убрать самого себя, это будет в ближайшие дни», — ясно, тихо и спокойно говорит он последнему своему другу — украинскому поэту-крестьянину. «Михаил, подумай еще». «Подумаю, потом скажу, что я решил, — обещаю тебе». Сеспель единственный раз в жизни не сдерживает свое слово, в один из ближайших дней он не возвращается в дом, где он жил вместе с другом. Он кончает жизнь самоубийством в липовой аллее близ села Старогородка Черниговской губернии.

Судебные следователи, прибывшие разбирать причины случившегося, забирают большинство бумаг поэта, — они никогда не будут найдены. Это — второе крупное изъятие его рукописей, — первый раз архив поэта полностью был забран при его аресте в 1921 году у него на родине, — в Чебоксарах. Поэтическое наследие Михаила Сеспеля насчитывает сейчас около 30 стихотворений, и это — непревзойденные шедевры поэзии его народа.

PLOUGHING OF THE NEW DAY (Translated by Peter France)
(a fragment)

When the time comes for the new shoots to appear,
Before The New Day out of the black earth,
In the image of a sunny cornfield, spreading like the sun,
The Fate of the Chuvash will rise boldly.
Sparks of this cornfield, silver and gold like braid,
Will flow gaily over the earth with the of gusli.

The Shuvash of a new and mighty age, with heart,
His shoulders touching the blue of the sky,
Going out into the fields of life, will put on the

The New Day will embrace him tenderly, gladly;
Before him, on the new road, giving birth to new flowers,
Will descend the rainbow bridge of the Internationale.

А. Миттов.
Иллюстрация
к стихотворению
М. Сеспеля
«Грядущее».
1966.

Город Остер.
Могила М. Сеспеля.

Фрагмент перевода
на английский язык
стихотворения
М. Сеспеля
«Пашня Нового Дня»

Бюст М. Сеспелю
в Чебоксарах.
Скульптор
Алексей Майраслов.
Установлен
в мае 1988 г.

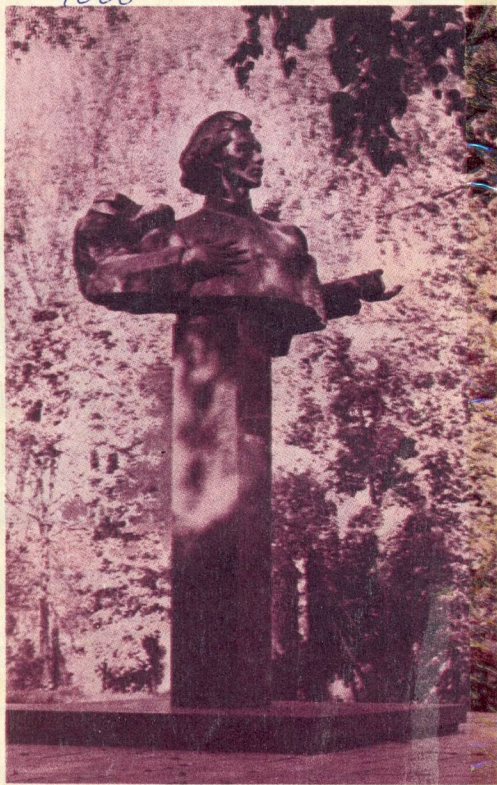
Шанчӑк пуррисем — телейӑ.
Авал асаттесене мӑшкӑл тунисене манас мар.
Мӑшкӑл айӑнчен чӑрӑ тухнӑ чӑлхе тӑнчере сӑ-
халмӑ.

Ку таранччен чӑваш сӑмахӑ илтӑнмен, — халӑ
чӑваш юрри илтӑнӑ; чӑваш сӑвви, чӑваш сӑмахӑ
Атӑл хумӑ пек, вӑрман сасси пек, кӑсле сасси
вырӑнне пулӑ. Чӑваш чӑлхи тимӑр татӑ, сивӑч
пулӑ.

Вӑхӑт ситӑ! Вӑхӑт ситӑ!
Вӑхӑт ситсен, сӑкна сӑракана: «Ку чӑн каланӑ
иккен» — тесе асанӑс.

Мух. Сеспель

Заказ № 18, Тираж 200 экз. 1989 г.
Полиграфический участок кооператива «Орбон»
при Чебоксарской типографии № 1.